

И если ответ, что она получит ей, не понравится, то помощи эти люди от нее не дождутся.

Взгляд девушки злоеще сверкнул. Когда она развернулась и ушла, то никто не решился последовать за ней.

И в глазах жителей деревни Нин Мэн Яо выглядела теперь той, кому не стоит переходить дорогу.

Шум утих, толпа затихла. Одарив присутствующих прощальной улыбкой, Ян Хуай закрыл дверь и холодно посмотрел на мадам Чен и Ян Сю: «Мама, ты не восприняла мои слова всерьез.»

«Что ты хочешь этим сказать, сын?» Мадам Чен повернулась к нему.

«Что я хочу сказать? Ты думаешь, что Нин Мэн Яо всего лишь сирота?» Пока он учился, ему многое довелось повидать. То, как Нин Мэн Яо двигалась и держала себя, выделяло её из толпы.

Ян Хуай предупреждал мадам Чен не лезть к ней, но женщина ослушалась его. Мужчина был разочарован, когда развернулась вся эта борьба за землю.

Теперь уже ничего нельзя уладить мирно, Ян Хуай убедился, что его мать не слышит других людей.

Мадам Чен побледнела: «Но я...она угрожала Сю.» Для неё было важно только то, чтобы Ян Хуай помог им отомстить, раз Ван Лай Цзы оказался бесполезен.

«Мама, ты должна быть рада, что ничего не случилось, ведь если что-то реально произойдет, то это затронет не только тебя, но и всю нашу семью. И Ян Сю, тебя тоже это касается. Не заставляй мать провоцировать эту женщину, с ней шутки плохи.» Ян Хуай холодно посмотрел на Ян Сю. На его памяти, это была милая девочка, но теперь с ней что-то произошло.

Ян Сю поменялась в лице. Но не рискнула оспорить слова брата. Сейчас ей было страшно.

Ни одна из них не говорила, Ян Хуай прошёл в комнату.

Когда наступил вечер, вернулся отец семейства – Ян Сонг, и сын рассказал ему о случившемся. Он был порядочным человеком и, когда узнал что произошло, отвесил пощечину мадам Чен. Не обращая внимания на её вопли, он запер её в комнате. Отец семейства сказал, чтобы она выбросила эти глупости из своей головы и не замышляла больше ничего дурного.

На следующий день Ян Сонг и Ян Хуай появились у дома Нин Мэн Яо. «Мэн Яо, девочка, мы извиняемся за вчерашнее. Моя жена не выйдет из дома в ближайшее и время и впредь не будет создавать тебе проблем.»

Нин Мэн Яо долго молчала, ничего не говоря, лишь смотрела на Ян Сонга. После долгой паузы, она тихо ответила ему: «Это хорошо, если так и будет. В следующий раз я не буду столь милосердна. Если это произойдет и придет староста, я не остановлюсь. Тебе лучше запомнить это.»

«Да, да, да. Я знаю, что во всём виновата моя семья, поэтому прошу, прости нас.» Ян Сонг кивнул, его лицо выдавало растерянность и нерешительность.

Ян Хуай был хмур как туча. Он всё ещё стоял в стороне, не участвуя в разговоре отца с девушкой.

«Тебе следует включиться в наш разговор. Ян Хуай, моего терпения осталось не так много, как ты думаешь. Я могу закрыть глаза раз или два, но не три.» Она уже дала понять, что пренебрегать её терпением не стоит.

Лицо молодого человека переменилось. Под ледяным взглядом Нин Мэн Яо он вздрогнул и кивнул: « Я знаю. Этого больше не случится.»

«Это хорошо. Приглядывай за сестрой, не позволяй ей, подобно бешеной собаке, бросаться на людей.»

«Да.»

Дело было улажено подобным образом, но Нин Мэн Яо не из тех, кто оставил бы всё вот так после причиненных неприятностей. Людей, что слышали и видели вчерашнее представление, было немало. И разрази её гром, если мадам Чен и Ян Сю будут жить так же хорошо как и раньше.

Как и ожидалось, вести о такой крупной ссоре за день или два распространились по всей деревне и за её пределами.

Теперь мать и дочь не могли выйти из собственного дома. На них сразу же показывали пальцем. Поэтому они сидели дома.

Нин Мэн Яо улыбнулась, услышав это. В конце концов теперь они не могут пакостить ей.